

Нильс Ковальски

Инженер Тени

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нильс Ковальски
Инженер Тени

«Автор»

2026

Ковальски Н.

Инженер Тени / Н. Ковальски — «Автор», 2026

Это не столько технический триллер, сколько психологическая драма об одержимости, мести и цене гения на фоне крушения империи. История рассказана от лица самого Кригера в виде воспоминаний, записанных на плёнку в 1970-х годах для тайного архива.

© Ковальски Н., 2026

© Автор, 2026

Нильс Ковальски

Инженер Тени

Часть первая: Пепел

Глава 1. Воздушная тревога

Шестнадцатого января 1945 года в шесть часов четырнадцать минут вечера Макс фон Кригер понял, что закончил последний важный расчёт в своей жизни. Его логарифмическая линейка, тёмное дерево, отполированное десятилетиями прикосновений, лежала на чертеже как ритуальный кинжал. На ватмане под лампой с зелёным стеклом застыл причудливый силуэт: шасси знакомых тяжёлых очертаний, но вместо башни – открытая платформа с двумя длинными, хищными стволами, расходящимися под углом. Он назвал это в рабочих записях «Объект "Пересмешник"» – за способность неожиданно отвечать на любой вызов превосходящей огневой мощью.

Сирену он услышал сначала как далёкий, назойливый звук, конфликтующий с математической гармонией в его голове. Кригер поморщился, не отрывая взгляда от расчётной сетки. Бомбёжки стали частью берлинской симфонии, как шум дождя или трамвая. Он потянулся к чашке с остывшим эрзац-кофе.

Взрыв первой бомбы был совершенно иным. Это был не звук, а удар по всему телу, по самому веществу воздуха. Стекло в окне его кабинета на третьем этаже инженерного управления не вылетело – оно медленно, с тихим стоном прогнулось внутрь, покрылось паутиной трещин и замерло. Пыль посыпалась с потолка. Кригер инстинктивно накрыл рукой чертёж. В голове, совершенно ясно, пронеслось: «Неправильно рассчитанная ударная волна. Угол падения не более тридцати градусов. Близко».

Второй взрыв был ближе. Лампа погасла, качнувшись на шнуре. В темноте Кригер услышал крики – не панические, а деловые, короткие. Привычные. Он методично собрал чертежи в кожаную папку, надел пальто и шляпу. На лестнице уже толпились люди, но паники не было. Берлин уже горел два года, и его жители выработали особый, отстранённый ритуал спуска в укрытие.

На улице его встретил мир, превращённый в театральную декорацию ада. Небо на западе было багровым от зарева пожаров. Воздух пахло гарью, сажей и чем-то сладковато-приторным – горелой резиной, тканью, чем-то ещё. Он пошёл не к ближайшему бомбоубежищу, а на восток, к своему дому в районе Шарлоттенбург. Шёл быстрым, ровным шагом инженера, рассчитывающего маршрут. Его мысли были парадоксально ясны: «Если удар пришёлся на западные кварталы управления, то траектория „Ланкастеров“ ведёт с юго-запада. Значит, район Фазаненштрассе может быть в мёртвой зоне. Ильза и девочки должны быть в подвале дома номер семнадцать».

Он ошибался.

Дом номер семнадцать по Фазаненштрассе представлял собой грудку кирпича и искореженных балок. Передняя стена отсутствовала полностью, обнажая сюрреалистичные интерьеры жизни: висящую на гвозде картину, непострадавшую кровать, pedalное пианино, засы-

панное битым фарфором. Над этим возвышалась единственная уцелевшая конструкция – каменная арка парадного входа, стоящая теперь ниоткуда в никуда, как ворота в небытие.

Кригер остановился. Он не почувствовал ничего. Ни ужаса, ни боли. Только холодную, абсолютную пустоту, как будто кто-то выключил в нём все эмоциональные предохранители. Он видел соседей, копошащихся в развалинах, слышал приглушённые крики из-под завалов, чувствовал на лице жар тлеющих балок. Но это было как наблюдение за сложной, но бессмысленной машинией.

Он подошёл ближе. Из-под груды обломков торчала знакомая ткань – синее с белым платье Лены, его младшей. Он не стал её откапывать. Он знал. Он стоял так, возможно, минуту, возможно, час. Потом его взгляд упал на предмет, лежащий у его ног на тротуарной плитке. Это была чертёжная линейка его отца, старая, слоновая, с потёршейся шкалой. Он поднял её. Она была холодной. Рядом лежала обгоревшая по краям фотография: Ильза, Марта и Лена в саду у Ванзее, лето сорок второго. Они смеялись, щурясь от солнца.

Именно в этот момент к нему подошёл человек. Он не появился из ниоткуда – он просто вышел из тени уцелевшей стены, как будто ждал. На нём было отлично сшитое пальто, не по форме вермахта, и фуражка с высоким околышем. Его лицо было худым, интеллигентным, с пронзительными серыми глазами.

– Профессор фон Кригер? – голос был тихим, почти вежливым.

Кригер медленно повернул голову. Он смотрел на незнакомца, но видел сквозь него.

– Ваша семья? – спросил человек, кивнув на развалины.

– Да, – ответил Кригер. Его собственный голос прозвучал чужо, ровно.

– Мои соболезнования, – сказал человек без тени соболезнования. – Я генерал-лейтенант Хельмут Редлих. Из управления специальных проектов. Мы следим за вашими работами. За «Объектом "Пересмешник"».

Кригер ничего не ответил. Он сжимал в одной руке линейку, в другой – фотографию.

– Война подходит к логическому завершению, профессор, – продолжал Редлих, глядя на багровое небо. – Но логика – понятие растяжимое. Можно проиграть битву и выиграть... наследие. Можно потерять всё и оставить после себя такой след, такую идею, что она переживёт и победителей, и поражение.

– Что вам нужно? – спросил Кригер. Его разум, отключивший чувства, работал с ледяной ясностью. Этот человек пришёл не затем, чтобы выразить сочувствие. Он пришёл с предложением.

– Мне нужен ваш ум, профессор. Освобождённый от условностей, от бюрократии управления вооружений, от глупых споров о «практичности». Мне нужен чистый инженерный гений, направленный на одну цель. Создать не просто оружие. Создать легенду. Создать нечто такое, что, даже если оно никогда не сделает ни одного выстрела по врагу, навсегда поселит в его штабах холодный ужас от одной мысли о его существовании.

Кригер наконец посмотрел прямо в серые глаза Редлиха.

– «Пересмешник» – только концепт. Бумажный тигр.

– Мы дадим вам сталь, профессор. Мы дадим вам целый подземный завод в Тюрингии, «Нордштерн». Там есть всё. И там нет никого, кто будет вам мешать. Ни Шпеера, ни Гудериана, ни этих идиотов из танковой комиссии. Только вы, ваша команда и полная свобода. Создайте вашего «Пересмешника». Сделайте его реальностью.

– Зачем? – спросил Кригер. – Чтобы продлить агонию на месяц? На два?

– Не для победы, – тихо сказал Редлих, сделав шаг ближе. Его дыхание стелилось белым паром в холодном воздухе. – Для возмездия. Для памяти. Чтобы, когда всё кончится, и они будут топтать нашу землю, они знали, что даже в самом конце мы были способны породить нечто столь совершенное в своём разрушительном потенциале, что это лежит за гранью их понимания. Чтобы ваш «Пересмешник» стал призраком, который будет преследовать их сны. Мсть – это не всегда смерть, профессор. Иногда мсть – это бессмертный кошмар.

Кригер посмотрел на фотографию в своей руке. На смеющиеся лица. Затем на груды камней, поглотивших этих людей. Внутри пустоты, где раньше была душа, что-то шевельнулось. Не боль, не печаль. Холодная, безжалостная, кристаллическая решимость.

Он повернулся к Редлиху.

– У меня есть условия.

– Назовите.

– Полная автономия. Никаких отчётов, кроме итоговых. Я сам выбираю команду. Даже если это будут ваши враги или узники. Мне нужны мозги, а не лояльность. Любые ресурсы, которые вы ещё можете достать, достаются мне по первому требованию. И... – он сделал паузу, – я даю машине имя. Моё имя.

Редлих улыбнулся. Это была улыбка хищника, нашедшего родственную душу.

– Согласен. Как вы назовёте проект?

Кригер ещё раз посмотрел на пепелище. В его сознании чертёж «Пересмешника» накладывался на груды развалин, обретая плоть и кровь стали.

– «Waffenträger auf E-100». Носитель оружия. Но не просто носитель. Платформа для абсолютного отрицания. «Ваффентрагер Кригера».

– Прекрасно, – прошептал Редлих. – Машина будет носить ваше имя в веках.

Чёрный «Мерседес-770К» с затемнёнными стёклами ждал в переулке. Кригер сел в него, не оглядываясь. Он не взял с собой ничего, кроме отцовской линейки и обгоревшей фотографии. Когда машина тронулась, он через окно в последний раз увидел каменную арку, одиноко

стоящую среди дыма и пепла. Это были ворота. Он пересёк их порог и оставил позади всё, что было Максом фон Кригером – мужем, отцом, человеком. Впереди оставался только Инженер.

Через час он уже мчался на юго-восток, в Тюрингию, в чрево горы, где ему предстояло родить своего стального призрака.

Глава 2. Подземный собор

Путь занял всю ночь и большую часть следующего дня. «Мерседес» летел по пустынным, разбитым дорогам, минуя колонны беженцев, разрозненные части вермахта и развалины когда-то цветущих деревень. Кригер молчал, глядя в окно на проносящийся мимо апокалипсис. Редлих, сидевший рядом, иногда что-то говорил по радиостанции, отрывистыми, зашифрованными фразами. Он не докучал Кригеру разговорами.

Под утро они свернули с главной дороги на лесную тропу, которая вскоре упёрлась в шлагбаум и бетонные ДОТы, замаскированные под холмы. Солдаты СС в камуфляжных плащах молча проверили документы Редлиха и пропустили машину. Они ехали ещё с полчаса через густой хвойный лес, пока не остановились перед неприметным скальным выступом. Казалось, это тупик.

Редлих вышел, что-то сказал охране у стальной двери, замаскированной под скальную породу. Дверь с тихим скрежетом отъехала в сторону, открыв чёрный зев тоннеля. Внутри пахло сыростью, соляжкой и озоном.

– Добро пожаловать в «Нордштерн», профессор, – сказал Редлих, жестом приглашая войти. – Сердце последних надежд Рейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.